

Старая хлѣбъ-соль забывается.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталь пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали за нимъ гнаться. Пришлось бирюку бѣжать чрезъ дорогу, а на ту пору шель по дорогѣ мужикъ съ поля съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: „Сдѣлай ми-

лость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ: за мной охотники гонятъ!“ Мужикъ согласился, запряталъ [его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ дальше, а навстрѣчу ему охотники. „Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?“ спрашиваютъ они. „Нѣтъ, не видалъ!“ отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду.

„Что, ушли мои злодѣи?“ спрашиваетъ бирюкъ. „Ушли“. — „Ну, теперь выпусти меня на волю“. Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ бирюка на вольный свѣтъ. „А что, мужикъ, я тебя съѣмъ!“ говоритъ бирюкъ. „Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! — скажешь ему мужикъ. — Я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!“ — „Старая хлѣбъ-соль забывается!“ отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: „Ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по-твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда, дѣлать нечего, съѣшь меня!“

Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: „Сдѣлай милость, кобылушка-матушка, разсуди насъ! Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!“ — и рассказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и говоритъ: „Жила я у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ невоготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ: ужъ я лѣз-

ла-лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ... Да, старая хлѣбъ-соль забывается“.

„Видишь, моя правда!“ молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: „Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарилась и перестала брехать—онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ... Да, старая хлѣбъ-соль забывается“.

„Ну, видишь, моя правда!“ молвилъ бирюкъ. Мужикъ еще пуще опечалился и упробилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, — „а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь“. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: „Да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этакое малое мѣсто?“ И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила и сказала: „А ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!“ Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Но лиса закричала: „Да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?“ Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. „Ну-ка, мужичокъ,—продолжала лиса,—покажи, какъ ты завязывалъ?“ Мужикъ завязалъ. „Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то моло-

тилъ?“ Мужикъ началъ молотить щѣломъ по мѣшку.
„Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?“ Мужикъ
сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и
убилъ ее до-смерти, приговаривая: „Старая хлѣбъ-
соль забывается!“

